

Петровський В. В. «Випробування північчю»: нарис історії студентських будівельних загонів Харкова у Тюменській області.

Стаття присвячена історії діяльності студентських будівельних загонів, сформованих на базі вищих навчальних закладів Харкова, на території Тюменської області. Розглядаються витоки зародження руху і появи перших харківських студентських трудових загонів на Півночі. Особлива увага приділяється трудовим звершенням учасників руху, їхньому внеску у промислове освоєння та соціально-економічний розвиток Тюменського регіону.

Ключові слова: студентський будівельний загін, Харків, вищий навчальний заклад, Тюменська область.

Petrovskiy V. V. "North Test": Outline History of Kharkiv Student Construction Brigades in the Tyumen region.

The article deals with a history of activity of student construction brigades, formed on the basis of Kharkiv institutes of higher education, in the Tyumen region. Origins of the movement and appearance of the first Kharkiv student construction brigades in the North are considered. Special attention is given to labor accomplishments of participants of the movement and their contribution to the socio-economic development of the Tyumen region.

Keywords: student construction brigade, Kharkiv, institute of higher education, Tyumen region.

Украинское студенчество в 1917 – 1921 гг.: проблемы историографии

Подлесный Дмитрий Вадимович

Статья посвящена исследованию историографии проблемы трансформаций социокультурного облика студенчества Украины в период Революции и Гражданской войны. Автор констатирует, что изучение данной проблемы было начато уже в 1920-х гг. и продолжается по сегодняшний день. В то же время, малоизученным остается целый ряд ее аспектов, среди которых динамика изменений социального состава студенчества на протяжении периода 1917–1921 гг., несоветские формы студенческой самоорганизации, «неполитические» направления деятельности студенчества.

Ключевые слова: историография, студенчество, Революция, Гражданская война.

Студенчество, несомненно, является одной из наиболее специфических и интересных социальных групп, вследствие чего пользуется заслуженным вниманием со стороны научного сообщества. Период 1917 – 1921 гг. стал одним из переломных этапов в истории украинского студенчества, как, впрочем, и всего населения бывшей Российской империи. Кардинальная ломка системы общественных отношений, обусловленная революционными процессами 1917 – 1921 гг., в полной мере отразилась и на студенчестве, существенно изменив его политический и социальный портрет. Исходя из этого, неудивительно, что происходившие в революционный период трансформации студенческого контингента попали в поле зрения многих исследователей, которые изучали различные аспекты жизнедеятельности студенчества с точки зрения разных концептуальных подходов и в разных исторических условиях. Поэтому представляется, что сегодня назрела объективная необходимость обобщения научного опыта, приобретенного на пути изучения трансформаций социокультурного облика украинского студента, происходивших в 1917 – 1921 гг. Сразу оговоримся, что в данном случае термин «украинское студенчество» условный. Этим термином мы обозначили студентов, учившихся в вузах, расположенных на украинских землях бывшей Российской империи.

Проблема, заявленная в данной статье, не была предметом специального исследования. Отдельные аспекты историографии трансформаций

студенческого контингента бывшей Российской империи в период Революции и Гражданской войны анализируются в диссертационных исследованиях российских ученых Н.И. Морозова [1] и Г.А. Камчатного [2]. В то же время, данные авторы не ставили задачу специального рассмотрения этой проблемы (тем более, на материалах территорий, входящих в состав современной Украины).

Процесс изучения культурно-образовательных трансформаций 1917 – 1921 гг. начался практически сразу после окончания революционных событий по инициативе как советских ученых, так и историков украинской диаспоры. При этом советская и эмигрантская историографии изначально предлагали совершенно разные трактовки революционных процессов в Украине. Ученые диаспоры, рассматривавшие временной отрезок 1917–1921 гг. сквозь призму борьбы украинского народа за создание национального государства (концепция Украинской национальной революции), уделяли значительное внимание культурно-образовательной политике национальных правительств революционного периода, приоритетным направлением которой была украинизация всех сфер общественной жизни. Так, в период 1930-х – 1950-х гг. в эмиграции вышли труды С.О. Сирополко [3], Д.И. Дорошенко [4], И. Крылова [5], в которых достаточно подробно освещается политика национальных правительств в области высшей школы. В то же время, упоминания о студенчестве в данных трудах носят лишь фрагментарный характер и касаются, прежде всего, характеристики количественных показателей студенческого контингента украинских университетов, которые в 1917 – 1918 гг. были открыты в Киеве, Каменец-Подольском и Полтаве.

В свою очередь, советские авторы трактовали события 1917 – 1921 гг. в контексте подготовки Октябрьской революции и последующей политической борьбы. При этом советская историография уделяла значительное внимание различным аспектам функционирования студенческого сообщества. Освещение социальных характеристик и основных направлений деятельности студенчества накануне и в период революционных событий началось уже в 1920-х гг. Так, в работах В. Черневского [6], А. Сурика [7], А. Шохина [8], Н. Вихрева [9] анализируется как общественно-политическая активность студенчества в период Революции и Гражданской войны, так и молодежная политика советской власти. Особенно активно изучение студенчества советскими историками происходило в 1960-х – 1980-х гг., когда в СССР вышел ряд фундаментальных исследований, посвященных трансформациям высшего образования в революционный период [10; 11; 12; 13].

В центре внимания советских ученых пребывали такие вопросы, как социальный портрет студенчества накануне революционных событий 1917 г., участие студентов в событиях Революции и Гражданской войны, проводившаяся по отношению к студенчеству политика советской власти. Анализируя социальный состав, материальное положение и деятельность дореволюционного студенчества, советская историография акцентировала внимание, прежде всего, на негативных последствиях царской политики относительно высшей школы вообще и студенчества, в частности. По мнению советских авторов, политика самодержавия в области развития

высшего образования была направлена не на удовлетворение социально-экономических запросов, а на формирование политически лояльной интеллигенции и чиновничьего аппарата [11; 13]. Одновременно, ведущие советские историки сделали вывод о высоком революционном потенциале студенчества, которое в конце XIX – начале XX в. стало активным участником политической жизни. Так, В.Р. Лейкина-Свирская характеризует студенчество как «наиболее независимый, подвижный и энергичный элемент общества, который стал застрельщиком политических волнений, массовым участником революционно-демократических демонстраций» [13, с. 29].

Значительное внимание советская историография уделяла анализу участия студенчества в революционных событиях 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войне. С одной стороны, в работах советских историков прослеживается попытка сделать акцент на сотрудничестве студенчества с партией большевиков и советскими структурами. Как отмечается в вышедшей в 1980 г. очередной юбилейной истории Харьковского университета, «...участие студентов в вооруженной борьбе за власть советов было для них серьезной школой. Многие из них навсегда связали свою жизнь с Коммунистической партией и стали стойкими большевиками-ленинцами» [15, с. 45]. В то же время, советские авторы соглашались с фактом, что большинство студенчества не признало Октябрьскую революцию и поддерживало антибольшевистские властные структуры общероссийского или национального характера. В некоторых работах четко прослеживается тенденция рассмотрения политического противостояния в высшей школе с точки зрения классовой борьбы. Так, И.Д. Золотоверхий противопоставляет «буржуазное большинство» студенчества прогрессивному «пробольшевистскому меньшинству», которое в период установления советской власти активно пополнялось выходцами из сельского и городского пролетариата [10, с. 240]. Ряд исследований, реализованных в советский период, посвящен анализу студенчества как объекта политической борьбы между ведущими партиями и общественными движениями 1917 – 1921 гг. В данном контексте необходимо, прежде всего, упомянуть работы А.Я. Лейкина, в которых подробно анализируется тактика ведущих политических партий, направленная на завоевание симпатий студенчества [14; 16].

Анализируя государственную политику по отношению к студенчеству, советская историография, по понятным причинам, акцентировала внимание на мерах, принимавшихся по инициативе большевиков. Среди таких мер подробно рассматриваются обеспечение всеобщего права на получение высшего образования, курс на привлечение в высшую школу выходцев из среды сельского и городского пролетариата (пролетаризация студенческого контингента), формирование системы довузовской подготовки (нуль-семестров и рабфаков), становление новых форм студенческой самоорганизации. Достаточно подробно советские авторы освещают произошедшее в 1917 – 1921 гг. изменение социальных и количественных параметров студенческого контингента. При этом в освещении большевистских образовательных реформ (как, впрочем, и других направлений деятельности большевиков) советскими авторами четко прослеживается определенная некритичность, которая

связана с политико-идеологическими факторами. Так, при анализе политики пролетаризации студенческого контингента советская историография акцентировала внимание на ее позитивных последствиях, среди которых демократизация социального состава студенчества и его количественный рост, тогда как негативные итоги данного явления, связанные с отменой требования у абитуриентов аттестата о среднем образовании и понижении базовой планки знаний, необходимых для приема в высшую школу, оставались «в тени».

Политико-идеологический заказ также обусловил определенную узость предмета исследования советских авторов, которые не имели возможности проведения системного анализа образовательной политики несоветских правительств. Поэтому наблюдавшиеся в период 1917 – 1921 гг. тенденции количественного роста и демократизации социального состава студенческого контингента советская историография вольно или невольно представляла как заслугу исключительно большевиков. При этом практически не упоминается о том, что всеобщее право на получение высшего образования было впервые нормативно закреплено Временным правительством, а расширение системы высших учебных заведений, которое обусловило значительный рост студенческого контингента, происходило не только после установления в Украине советской власти, но и в период Временного правительства, Центральной Рады и гетмана П. Скоропадского. По нашим подсчетам, в 1917 – 1918 г. на территории Украины было открыто не менее 15 полноценных вузов (в том числе, четыре университета), в которые было зачислено не менее 10 тыс. человек [17]. В свою очередь, известный отечественный историк Д. Ф. Розовик отмечает, что только в период Украинской державы 1918 г. было открыто 35 высших школ [18, с. 109].

В то же время, мы не считаем возможным нивелировать значение советской историографии студенчества. Понятно, что многие оценочные суждения советских ученых сегодня можно и нужно ставить под сомнение. Однако нельзя забывать, что именно советская историческая наука начала комплексное исследование данной проблемы. При этом многие работы советского периода базируются на привлечении значительного количества архивных материалов и содержат интереснейший фактаж, который активно используется современными учеными. Актуальными на сегодняшний день остаются и многие выводы советских историков относительно общих тенденций развития студенческого контингента в период 1917 – 1921 гг. В целом же, анализируя вклад советских авторов в изучение проблемы развития студенческого контингента в период Революции и Гражданской войны, нельзя не согласиться с мнением известного современного историографа А.А. Кулакова, который отмечает, что для исследователя важно понять, «что в советской литературе стало явлением политической мысли ушедшей эпохи, а что следует отнести к тем несомненно положительным результатам исторической науки, которые могут быть развиты современными научными подходами к истории» [19, с. 26].

Рост научного интереса к проблемам социальных, и, в частности, культурно-образовательных трансформаций периода Революции и Гражданской войны, наблюдается уже с начала 1990-х гг. Однако особо необходимо отметить период 2000-х гг., когда в Украине и ближнем зарубежье вышло сразу несколько

полномасштабных исследований, посвященных изучению политических и социокультурных характеристик студенчества начала XX в. Комплексный анализ классовый, национально-религиозной, гендерной и общественно-политической структуры студенческого сословия в дореволюционный период предлагается в работах известного специалиста в области истории высшего образования А.Е. Иванова [20; 21]. Социальный портрет дореволюционного студенчества, очерченный А. Е. Ивановым, дополняется целым рядом работ, основанных на материалах украинских губерний. Так, В.Б. Молчанов анализирует материально-бытовое положение студенчества Украины в начале XX в. [22]. Значительный интерес в контексте анализа социального портрета дореволюционного студенчества представляет исследование И.С. Посохова, посвященное анализу студенческой субкультуры, которая на рубеже XIX – XX вв. сложилась в университетском сообществе Российской империи [23]. В свою очередь, в диссертационных исследованиях Г.В. Фартучной [24], М.В. Григорьевой [25] и Н.О. Гончаровой [26] освещается проблема участия дореволюционного студенчества в общественно-политической жизни Российской империи. При этом значительное внимание в данных работах уделяется участию студенческой молодежи не только в общероссийском (либеральном и социал-демократическом), но и национальном общественно-политическом движении. Влияние революционных изменений 1917 – 1920-х гг. на социальный портрет студенчества бывшей Российской империи анализируется в диссертационных исследованиях российских ученых А.Ю. Сизовой [27], Е.С. Постникова [28], В.В. Всемирова [29], А.В. Пономарева [30]. Интересные данные относительно участия студенчества в построении национальной высшей школы приводятся в работах А.М. Завальнюка [31] и Э. Мельника [32].

Следует отметить, что при анализе дореволюционных тенденций развития студенческого контингента современные авторы приходят к выводам, которые, в основном, согласуются с умозаключениями советских ученых. Так, акцент делается на элитарности студенческого контингента, ограниченности права на получение высшего образования, высокой политической активности дореволюционного студенчества. В основном негативно оценивается молодежная политика царского правительства. Как отмечает А. Е. Иванов, главным содержанием академической политики самодержавия было не расширение студенческого контингента с целью увеличения выпуска дипломированных специалистов, а его социальное регулирование во имя сохранения порядка и спокойствия в университетах и институтах [20, с. 258]. Аналогичные умозаключения можно встретить и в работе Е.С. Постникова [28].

Достаточно интересные выводы современные ученые делают при изучении деятельности студенчества в революционный период. При этом основное внимание, как и в советский период, уделяется проблеме участия студенчества в революционной борьбе. Однако теперь авторы ведут речь не только о большевистских организациях, но и о деятельности студенчества в несоветских политических институтах, в том числе, национальных правительствах Украины и белом движении. По мнению большинства современных исследователей, политическая активность студенчества обусловила, во-первых, политико-идеологический раскол в его среде, а, во-вторых, доминанту общественно-

политической деятельности студенчества над учебной. Так, тот же Е.С. Постников подчеркивает, что катаклизмы 1917 г. вылились в открытое вооруженное противостояние в годы Гражданской войны, в ходе которого одна часть студенчества, втянутая в русло бескомпромиссной вооруженной борьбы, поставила другую вне закона [28]. В свою очередь, А.Ю. Мартынова (Сизова) отмечает, что уже после Февральской революции студенты перестали учиться и студенчество как общественная прослойка начала постепенно разлагаться. По ее мнению, уже к октябрю 1917 г. студенчество представляло собой «не более чем развалившуюся социальную структуру с нарушенными общественными связями» [33, с. 179]. Следует отметить, что данные выводы не совсем согласуются с очерками истории отдельных вузов, которые свидетельствуют, что в период Революции и Гражданской войны учебный процесс в ведущих вузах Украины, хотя и с перебоями, но продолжался; при этом студенты оставались полноценными участниками учебного процесса [34; 35].

Значительно больше внимания в современной историографии уделяется политике по отношению к студенчеству, которая проводилась различными правительствами и государственными образованиями революционного периода. Так, соответствующий вектор политики Временного правительства подробно исследуется в диссертации А.Ю. Сизовой. Основываясь на анализе значительного фактического материала, она приходит к выводу, что Временное правительство проводило по отношению к высшей школе вообще и студенчеству в частности, либерально-демократическую политику. При этом, по ее мнению, такая политика «послужила не к развитию, а к параличу жизнедеятельности вузов, поскольку вузовское сообщество, и, прежде всего, студенчество оказалось не готово к организованным формам демократии» [27]. Культурно-образовательная политика Центральной Рады, Гетьманата и Директории, одним из ведущих направлений которой стала попытка превращения высшей школы в центр формирования национальной элиты, нашла широкое отображение в трудах современных украинских ученых [18; 31; 35].

Достаточной популярностью в современной историографии также пользуется проблема советской политики по отношению к студенчеству. Отойдя от советских оценок данного явления, современные ученые дают соответствующему вектору политики большевиков неоднозначную характеристику. Так, Е.С. Постников настаивает на том, что советское правительство повторило парадигму высшего образования самодержавной России: с одной стороны, готовя «красных» специалистов, способных решать задачи социалистического строительства, с другой, путем насильственных мер, пытаясь сделать высшую школу опорой советской власти, проводником идей коммунизма [28]. В свою очередь, А.В. Пономарев отмечает, что большевики уделяли студенчеству значительное внимание и делали на него основную ставку в деле советизации и «пролетаризации» высших учебных заведений [29]. Важное значение с точки зрения понимания особенностей социокультурного облика студенчества в период установления советской власти имеют выводы Е.В. Астаховой, которая утверждает, что повышение

массовости высшего образования путем приобщения к нему выходцев из рабоче-крестьянской среды (подавляющее большинство которых не имело среднего образования) закономерно привело к упрощению его содержания [36, с. 57]. Интереснейший материал относительно социокультурного облика студенчества в период установления советской власти предлагается в монографии украинской исследовательницы О.Л. Рябченко [37]. На основе анализа значительного массива архивных материалов автор анализирует сложный и противоречивый процесс конструирования студентами пролетарской идентичности, раскрывает академическую повседневность 1920-х – 1930-х гг. Важно, что в работе О. Л. Рябченко впервые в историографии анализируется проблема дифференциации студенческого контингента в период установления советской власти, о которой в своих мемуарах упоминали многие современники и, в частности, Д.И. Багалей [37, с. 374; 38, с. 192].

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Научное осмысление различных аспектов развития и деятельности студенческого контингента накануне и в период революционных событий 1917–1921 гг. было начато в 1920-х гг. и продолжается по сегодняшний день. До 1991 г. оно развивалось, преимущественно, в рамках советской исторической науки. Несмотря на наличие целого ряда политико-идеологических установок, которые, несомненно, препятствовали всестороннему освещению проблемы, советская историография смогла очертить основные направления исследования революционных трансформаций студенческого контингента, которые нашли дальнейшее развитие в трудах современных ученых. Среди таких направлений следует выделить изучение социального состава дореволюционного студенчества, исследование участия студентов в событиях Революции и Гражданской войны, анализ советской политики по отношению к студенчеству. При этом установившийся с начала 1990-х гг. определенный концептуальный и методологический плюрализм позволил не только переосмыслить ряд выводов советских авторов (и, прежде всего, оценочных суждений относительно большевистского реформирования высшей школы), но и осветить ранее не рассматривавшиеся аспекты данной проблемы, среди которых влияние на студенчество политики Временного правительства, участие студентов в культурно-образовательной политике национальных правительств, действовавших на территории Украины и др. В то же время, представляется, что проблематика студенческой жизни в период 1917–1921 гг. требует дальнейшего исследования. Малоизученным остается ряд аспектов данной проблемы, среди которых динамика изменений социального состава (в том числе, гендерного характера) на протяжении периода 1917–1921 гг., несветские формы студенческой самоорганизации, «неполитические» направления деятельности студенчества. Отнюдь не исчерпан потенциал использования сравнительного и системного подходов, которые могут позволить воссоздать целостную и объективную картину становления и деятельности студенческой социальной группы в период Революции и Гражданской войны. Также следует отметить, что многие аспекты интересующей нас проблемы (в том числе, трансформаций студенческого контингента в период Временного правительства и установления советской

власти) рассмотрены в масштабах всей бывшей Российской империи, поэтому сегодня назрела необходимость их более подробного изучения на материалах Украины.

Примечания

1. Морозов Н. И. Историография молодежного движения в России, февраль 1917 г. – начало 1930-х гг. : автореф. дис... докт. истор. наук / Морозов Николай Иванович. – М., 2002. – 31 с.
2. Камчатнов Г. А. Отечественная историография дореволюционного русского студенчества : автореф. дис... канд. истор. наук / Камчатнов Григорий Александрович. – М., 2008. – 19 с.
3. Сірополко С.О. Історія освіти в Україні / С.О. Сірополко. – К., 2001. – 912 с.
4. Дорошенко Д. І. Історія України 1917–1923 рр. : у 2 т. / Дмитро Дорошенко. – К., 2002. – Т. 1. – 319 с.; Т. 2. – 351 с.
5. Крилов І. Система освіти в Україні (1917 – 1930) / І. Крилов. – Мюнхен, 1956. – 95 с.
6. Шохин А. Десять лет борьбы за молодежь в стране пролетарской диктатуры / А. Шохин // Молодая гвардия. – 1927. – №11. – С. 25–37.
7. Сурик А. Студенческие большевистские кружки в Харькове (1914–1917 гг.) / А. Сурик // Летопись революции. – 1929. – № 1. – С. 179 – 188.
8. Черневский В. Студенческие волнения перед революцией / В. Черневский // Летопись революции. – 1927. – № 1. – С. 13–16.
9. Вихрев Н. В. Рабфаки и десятилетие Октября / Н. В. Вихрев. – М–Л, 1927. – 55 с.
10. Золотоверхий І. Д. Становлення української радянської культури (1917–1920 рр.) / І.Д. Золотоверхий.–К., 1961.–423 с.
11. Вища школа Української РСР за 50 років : у 2 ч. / відп. ред. В.І. Пітов. – К., 1967.–Ч.1.–395 с.
12. Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы (1917–1938) / Ш. Х. Чанбарисов. – Уфа, 1973. – 472 с.
13. Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. / В. Р. Лейкина-Свирская. – М., 1981. – 285 с.
14. Лейкин А. Я. Против ложных друзей молодежи / А. Я. Лейкин. – М., 1980. – 223 с.
15. Харьковский государственный университет. Исторический очерк. – Х., 1980. – 159 с.
16. Лейкин А. Я. Борьба большевиков с националистическими партиями за молодежь (февраль – июль 1917 г.) / А. Я. Лейкин // Руководство партии большевиков народными массами в борьбе против самодержавия и капитализма (1895 – октябрь 1917 года). – Л., 1963. – С. 37–55.

17. Подлесный Д. В. Трансформации системы высших учебных заведений Украины в период 1917–1921 гг. / Д.В. Подлесный // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту "Нар. укр. акад.". – Х., 2013. – Т. 19. – С. 227–228.
18. Розовик Д. Ф. Культурне будівництво в Україні у 1917–1920 рр. / Д. Ф. Розовик. – К., 2011. – 543 с.
19. Кулаков А. А. Вопросы зарождения российской социал-демократии в советской литературе / А. А. Кулаков // Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал-демократии. – М., 1998. – С. 19–35.
20. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / А. Е. Иванов. – М., 1991. – 392 с.
21. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начале XX века / А. Е. Иванов. – М., 1999. – 414 с.
22. Молчанов В. Б. Добробут студентів України в другій половині XIX – на початку XX ст. / В.Б. Молчанов // Укр. іст. журн. – 2005. – № 5. – С.39–53.
23. Посохов І. С. Студентство університетів Російської імперії XIX – початку XX ст.: становлення та еволюція субкультури / Іван Посохов. – Харків, 2013. – 275 с.
24. Фартучна Г. В. Студентство міста Києва у суспільно-політичному житті України (1900–1917 рр.) : автореф. дис... канд. іст. наук / Фартучна Г. В.; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. — К., 2010. – 19 с.
25. Григор'єва М. В. Історія студентських організацій університетів Наддніпрянської України другої половини XIX — початку XX ст. : автореф. дис.... канд. іст. наук / Григор'єва М. В. ; Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2010. – 21 с.
26. Гончарова Н. О. Національно-політичний рух студентської та учнівської молоді в Україні (90- ті роки XIX ст. — лютий 1917 р.) : автореф. дис... канд. іст. наук / Одеський національний ун-т ім. І.І.Мечникова — О., 2006. – 19 с.
27. Сизова А. Ю. Российская высшая школа в революционных событиях 1917 г. : автореф. дис. канд. истор. наук: 07.00.02 / Сизова Анастасия Юрьевна. – М., 2007. – 21 с.
28. Постников Е. С. Российское студенчество на Родине и за рубежом, 1917–1927 гг. : автореф. дис... докт. ист. наук / Постников, Евгений Серафимович. – Тверь, 2000. – 32 с.
29. Всемиров В. В. Создание советской системы высшего образования и студенчество 1917–1927 гг. : автореф. дис... докт. ист. наук. / Всемиров В. В. – Саратов, 1996. – 40 с.
30. Пономарев А. В. Студенчество в вузовской политике советского государства в 1917–1927 гг. (На материалах Поволжья) : автореф. дис... канд. ист. наук. / Пономарев Алексей Владимирович. – Саратов, 2011. – 37 с.
31. Завальнюк О. М. Утворення і діяльність українських державних університетів : автореф. дис... докт. істор. наук: 07.00.01 / Завальнюк Олександр Михайлович. – К., 2011. – 37 с.

32. Мельник Е. М. Проблема українізації вищої школи в Україні в добу Центральної Ради (березень–квітень 1918 р.) / Е.М. Мельник // Етнічна історія народів Європи : зб. наук. пр. – К., 2003. – Вип. 16. – С. 37–44.
33. Мартынова А. Ю. Российское студенчество и Февральская революция / А. Ю. Мартынова // Новый исторический вестник. – 2005. – №2. – С. 166–181.
34. Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна за 200 років / В.С. Бакіров, В.П. Духопельников, Б.В. Зайцев. – Х., 2004. – 750 с.
35. Історія Одеського університету (1865–2000) / Л.О. Ануфрієв, С.О. Аппатов, Ю.О. Амброз [та ін.]. – Одеса, 2000. – 225 с.
36. Астахова Е. В. Кадровый корпус высшей школы Украины: метаморфозы развития / Е. В. Астахова. – Х., 2006. – 187 с.
37. Рябченко О. Л. Студенти радянської України 1920–1930-х років: практики повсякденності та конфлікти ідентичності / О. Л. Рябченко. – Х., 2012. – 456 с.
38. Багалій Д. І. Вибрані праці : у 6 т. / Д.І. Багалій. – Х. : ХГП «НУА», 1999. – Т. 1. – 599 с.

Підлісний Д. В. Українське студентство в 1917 – 1921 рр.: проблеми історіографії.

Статтю присвячено дослідженню історіографії проблеми трансформацій соціокультурного портрету студентства України в період Революції та Громадянської війни. Автор констатує, що вивчення даної проблеми було розпочато ще у 1920-х рр. та триває по сьогоднішній день. У той же час, малодослідженими залишається ціла низка її аспектів, серед яких динаміка змін соціального складу студентства протягом 1917 – 1921 рр., нерадянські форми студентської самоорганізації, неполітичні напрямки діяльності студентства.

Ключові слова: історіографія, студентство, Революція, Громадянська війна.

Podlesniy D. V. Ukrainian students during the period 1917 – 1921: historiography of the problem.

The article analyses the historiography of the issue of transformations of the sociocultural portrait of the Ukrainian student body during the Revolution and the Civil War. The author draws a conclusion that the study of the above problem began in the 1920s and continues to the present day. However, understudied remain some of its aspects, including the dynamics of changes of the student body social structure through 1917 – 1921, non-Soviet forms of student self-organization, non-political student activities.

Key words: historiography, students, Revolution, Civil War.

Корпоративна символіка як складова практик саморепрезентації Харківського університету кінця ХХ – початку ХХІ ст.

Рачков Євген Сергійович

У статті на основі компаративістського і семіотичного підходів досліджується використання різноманітних форм символіки у практиках саморепрезентації Харківського університету кінця ХХ – початку ХХІ ст. Відзначається, що для сучасного етапу характерно конструювання нових форм університетської символіки, які будуються на міжнародній практиці та є синтезом вітчизняних і західноєвропейських університетських традицій. Простежується кореляційний зв'язок між особливостями формування та функціонування символіки і станом університетської корпоративної свідомості.

Ключові слова: Харківський університет, символ, емблема, саморепрезентація.

Основним інструментом, який усе частіше використовується університетами в їх комунікативних практиках з навколишнім світом є різноманітні форми візуалізації. Серед них, мабуть, найважливіше місце належить університетським ритуалам та пов'язаними з ними символами. Деякі з них є традиційними для університетів України, інші – запозиченими та штучно привнесеними. Актуальним завданням залишається не стільки фіксація різноманітних форм символіки, скільки визначення особливостей їх сприйняття університетською спільнотою, розуміння тих сенсів та значень, якими університетська людина наділяє «старі» та «нові» символи. У статті ми спробуємо розглянути символи та емблеми Харківського університету не лише як атрибут ритуалізованого життя навчального закладу, але, насамперед, як ознаку університетської традиції, мову, за допомогою якої прочитується культурний код навчального закладу.

Останнім часом спостерігається посилення уваги дослідників до університетських символічних практик. На пострадянському просторі новий історіографічний етап таких досліджень, зокрема, позначився працями «Університет для Росії» під ред. В. В. Пономарьової та Л. Б. Хорошилової [23; 24], «Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани» О. А. Вішленкової, С. Ю. Малишевої та А. А. Сальникової [4], «Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII в.» І. П. Кулакової [9]. Корпоративній культурі Харківського університету присвячена низка монографій [22; 17] та статей [11; 14; 15; 20]. Насамперед, це колективна монографія «Університет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века» під ред. А. Ю. Андреева та С. І. Посохова